

ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ

— Анти —
МАКИАВЕЛЛИ

Friedrich II der Große,
Alter Fritz 1740

Р
II

ВЛАСТЬ:
ИСКУССТВО ПРАВИТЬ МИРОМ

Власть: искусство править миром

Фридрих Великий

Анти-Макиавелли.

Наставление о военном

искусстве к своим генералам

«Издательство АСТ»

1740

УДК 355
ББК 68

Великий Ф.

Анти-Макиавелли. Наставление о военном искусстве к своим генералам / Ф. Великий — «Издательство АСТ», 1740 — (Власть: искусство править миром)

ISBN 978-5-17-137874-5

Король Пруссии Карл Фридрих II (1712–1786), вошедший в историю как Фридрих Великий, был королем Пруссии с 1740 года до конца своих дней. В народе этого выдающегося представителя династии Гогенцоллернов прозвали Старым Фрицем. В этом прозвище соединились и симпатия немцев к своему королю, и признание его государственной мудрости. Одна из самых блистательных работ Фридриха Великого – политический трактат «Анти-Макиавелли», написанный в 1739–1740 гг., когда королю было всего 28 лет. В нем он полемизирует с Никколо Макиавелли и его знаменитой книгой «Государь». Трактат стал одним из самых читаемых произведений в просвещенной Европе, где говорилось, что главная цель монарха состоит в поддержании благополучия и процветания своих подданных. Он не утратил своей актуальности и по сей день, напротив, стал чрезвычайно востребован в качестве единственно верного пути управления государством. В издание так же вошло произведение Фридриха Великого «Наставление о военном искусстве к своим генералам» – труд, посвященный тактике и стратегии ведения войны. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 355
ББК 68

ISBN 978-5-17-137874-5

© Великий Ф., 1740
© Издательство АСТ, 1740

Содержание

Фридрих Великий и его величие	8
Анти-Макиавелли,	11
Предисловие	11
Глава I	15
Глава II	18
Глава III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Фридрих Великий Анти-Макиавелли Наставление о военном искусстве к своим генералам

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Серия «Власть: искусство править миром»

Иллюстрация на обложке предоставлена фотобанком «Shutterstock»

Перевод с немецкого – А. Нартов, Я. Хорошкович

© С. Н. Полторак, составление, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

КОРОЛЬ ПРУССИИ С 1740 ГОДА

Фридрих II Великий
ИЗ ДИНАСТИИ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ

— • —
1712-1786

Фридрих Великий и его величие

Король Пруссии Карл Фридрих II (1712–1786), вошедший в историю как Фридрих Великий, был королем Пруссии с 1740 года до конца своих дней. В народе этого выдающегося представителя династии Гогенцоллернов прозвали Старым Фрицем. В этом прозвище соединились и симпатия немцев к своему королю, и признание его государственной мудрости.

История жестко селекционирует политиков по их вкладу в государственное развитие. Германия чтит, пожалуй, больше других своих лидеров последних столетий Бисмарка и Аденауэра, а из более отдаленных по времени правителей – бесспорного политического лидера XVIII века Фридриха II. Он один из немногих германских политических деятелей, которым современные немцы продолжают гордиться, не вникая в детали его правления. А они, эти детали, очень любопытны.

Главная из них состоит, вероятно, в том, что он по своей судьбе, а также по своим способностям и человеческим качествам совсем не подходил для роли государственного лидера. Будущий Фридрих Великий в первые годы жизни и не мечтал о короне, поскольку был третьим сыном в семье. Но два его старших брата умерли в детские годы, открыв ему путь к власти. С детских лет Карл Фридрих увлекался философией, литературой, музыкой, танцами, композицией. Прекрасно играл на флейте. Рос во многом под влиянием матери – дочери английского короля Георга I. Заметное влияние оказывали на него французские педагоги, в результате чего он проникся любовью к французской литературе и французской общественной мысли, бывшей во многом по праву и современной общеевропейской. Казалось, что его тонкая впечатлительная натура совершенно не соответствует качествам, необходимым будущему монарху. Его отец Фридрих Вильгельм I мечтал не о таком преемнике. По мнению жесткого и властного короля, наследник престола должен был расти государственным и воином, а не тонким знатоком литературы и искусства. Кто ж мог тогда предположить, что талант преемника столь огромен, что вместит в себе многие взаимоисключающие, казалось бы, качества. Не знал этого и сам Карл Фридрих. В юности он конфликтовал с отцом, отстаивая свое право на собственные взгляды и пристрастия. Не добившись понимания отца, он, восемнадцатилетний юноша, даже попытался сбежать из родительского дома к деду в Англию, но его дерзкая попытка отцом была жестко пресечена: Карл Фридрих был по приказу Фридриха Вильгельма I арестован и заточен на два года в крепость. Ситуация во многом напоминала конфликт между российским государем Петром I и его сыном царевичем Алексеем, случившийся 12 годами раньше. Но если царевич Алексей Михайлович по приказу отца был казнен без суда, то в случае с прусским наследником все сложилось иначе. У Фридриха Вильгельма I, желавшего судить сына за предательство, не хватило «административного ресурса» на осуществление возмездия: давление со стороны английского короля и других европейских монархов, а также внутривнутриполитических сил в самой Пруссии, не позволило ему осуществить задуманное. Суровый король в отличие от российского царя оказался бессильным в условиях политической осады и был вынужден проявить западноевропейскую цивилизованность. Как показало время, не напрасно. Сын, как военный и политический деятель, во многом превзошел своего отца. Правда, всех достижений наследника его отец увидеть не успел.

Выйдя из крепости, Карл Фридрих был вынужден пересмотреть свое отношение к отцу, к власти и найти компромисс в отношениях с королем, который позволил ему не без труда восстановить доверие короля Пруссии и стать его верным помощником в осуществлении военно-политических планов. В двадцать лет он стал шефом пехотного полка, проявив удивительную смелость на поле боя. Возможности для самоутверждения и проявления воинской храбрости были большие: Пруссия отчаянно боролась за то, чтобы присоединить к себе часть ослабевшей Польши, что получилось весьма успешно.

Не отрекаясь от своих юношеских увлечений литературой и искусством, наследник прусского престола на радость королю заметно сместил свои жизненные акценты. Он увлеченно стал совершенствоваться не только в военном деле, но и в изучении природы государственной деятельности. Пытливый ум, воля, настырность, самолюбие и явная предрасположенность к аналитической деятельности стали тем фундаментом, на котором молодой человек сам выстраивал стратегию своего будущего правления страной, территорию которой ему предстояло увеличить вдвое.

В 1738 году, за два года до того, как взойти на престол, Карл Фридрих стал масоном, существенно расширив круг своего политического влияния как в Пруссии, так и в Западной Европе в целом. Укреплению его политического авторитета существенно способствовала и его конфессиональная толерантность. По мнению принца-лютеранина, не существовало «плохих» вероисповеданий. Такая компромиссная позиция в отношении веры принесла ему как сторонников, так и противников. Сторонников, вероятно, было гораздо больше.

После кончины отца в 1740 году Карл Фридрих стал королем Пруссии. К тому времени он уже был сложившейся личностью. Его здравые мысли по поводу государственного строительства, сопровождавшиеся последовательными практическими действиями, снискали ему славу мудрого правителя, короля-философа, что было нехарактерно для европейских монархий того времени. Он свободно владел английским, французским, испанским, итальянским и португальским языками. Кроме того, читал по-гречески, по-древнегречески и на латыни.

Фридрих Великий был отважен в бою, холоден к женщинам и отличался язвительностью по отношению к окружающим. Но, вероятно, он все же был неплохим человеком, поскольку любил собак.

Как просвещенный монарх, он покровительствовал наукам и искусству, подавая личный пример в их развитии. Современники были благодарны ему за то, что он отменил цензуру, создал Берлинскую академию наук, открыл первую в Пруссии публичную библиотеку, отменил пытки и провел судебную реформу. Потомки оценили тот факт, что при его правлении Пруссия вышла в ряд мощнейших государств Европы. К сожалению, во времена Третьего рейха он был кумиром многих нацистских лидеров, но, как известно, яд может быть не только лекарством, но и отравой.

Фридрих Великий, будучи формально женатым, не оставил наследников. Однако его наследие огромно. В первую очередь, научное. Он был одним из немногих, если не единственным, монархом-исследователем высочайшего научного уровня. Многие его теоретические труды актуальны до сих пор. Среди них историко-философские произведения «История раздела Польши», «История своего времени», «Письма о любви к Отечеству», «Рассуждения о различных образах правления и об обязанностях государей». Большая часть научного наследия короля – результат его творческих изысканий, сделанных в зрелом возрасте. Но как это иногда бывает, одна из самых его блистательных научных работ – политический трактат «Анти-Макиавелли» – была написана в 1739–1740 годах, перед самым вступлением автора на прусский престол. В то время автору трактата, ставшего одним из самых читаемых произведений в просвещенной Европе, было лишь 28 лет. Сейчас в таком возрасте современные исследователи в лучшем случае защищают кандидатские диссертации.

Скорее всего, трактат не завоевал бы столь стремительной популярности, если бы не протекция Вольтера, с которым прусского принца связывала если не прочная дружба, то, во всяком случае, доверительная переписка. Знаменитый французский философ-просветитель лично отредактировал и опубликовал трактат венценосного ученого. Выход трактата в свет научным сообществом, не знавшим имени автора, поскольку произведение было издано анонимно, было встречено с большим вниманием, разделив европейских интеллектуалов на сторонников и противников авторской позиции.

Никколо Макиавелли, знаменитый итальянский политик, мыслитель, военный теоретик, творивший еще за двести лет до появления трактата Карла Фридриха, разумеется, не мог выступить в защиту своего произведения «Государь», подвергнувшегося критике за цинизм его содержания. Н. Макиавелли в своей работе описал механизмы захвата и удержания власти, снабдив их подробным обоснованием личностных качеств, необходимых, по его мнению, правителю государства. Итальянский ученый считал, что единство вооруженной силы и добродетели является гарантией успешного государственного правления.

Спустя двести лет, когда динамика общественного развития была особенно заметна в нравственной сфере, будущий прусский король признал непригодной макиавеллиевскую модель государственного управления, главным слабым звеном которой была абсолютизация власти как самоцели при полном игнорировании интересов подданных государства. Наследник прусского престола доказывал, что главная цель монарха состоит в поддержании благополучия и процветания своих подданных. И это не была просто декларация: Карл Фридрих предлагал стройный алгоритм действий монарха, заинтересованного в развитии своего государства. Наши современники не без основания могли бы посчитать труд «Анти-Макиавелли» удачным пиар-ходом будущего монарха, заявившим фактическую нравственную программу своих будущих политических действий на посту лидера нации.

В современных условиях, когда макиавеллиевский цинизм по отношению к простым людям и прагматизм укоренения власти очень созвучны российской внутриполитической практике, мнение ученого монарха Фридриха Великого, делавшего ставку на гуманизм и человеколюбие, поддерживаемые реальной властью, очень важен для нового прочтения. Он не утратил своей актуальности, а, напротив, стал чрезвычайно востребован в качестве целесообразного и единственно верного пути управления государством.

Опыт любого государственника, прирастившего, а не растратившего потенциал своей страны, всегда интересен и достоин изучения. Опыт Фридриха Великого – тем более, поскольку прусский монарх был теоретиком, во многом подтвердившим свои умозаключения неопровержимо эффективной практикой.

*С. Н. Полторак,
доктор исторических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого, главный редактор журнала
«Клио»*

Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на макиавеллиеву науку об образе государственного правления

Предисловие

Сочинение Макиавелли, касающееся науки об образе государственного правления, по отношению к нравоучению обладает тем же самым свойством, что и сочинение Спинозы, связанное с рассуждением об исповедании веры. Спиноза, учением своим разрушив основание веры, желал упразднить и само исповедание. В отличие от него, Макиавелли, приведя в негодность науку управления, создал такое учение, которое здравый нрав превратило в ничто. Заблуждения первого были только заблуждениями его разума, но заблуждения последнего связаны также и с практикой исполнения тех оснований, которые приводились в его книге. Между тем богословы, приняв вызов Спинозы и направив на него оружие своей учености, опровергли его самым основательнейшим образом, оградив тем самым учение о Божестве от его нападков. Макиавелли же, напротив, невзирая на то, что он проповедовал вредное нравоучение, хотя и был частично опровергнут некоторыми, однако даже до наших времен считался знатоком науки управления.

Поэтому я предпринял попытку защитить человечество от врага, который само это человечество стремится упразднить. Противопоставляя рассудок и здравомыслие обману и порокам, я вознамерился своими рассуждениями опровергнуть так сочинение Макиавелли – от первой главы до последней, чтобы это противоядие непосредственно следовало за заразой данного учения.

Я всегда считал Макиавеллиеву книгу об образе государственного правления одной из самых опаснейших среди всех вышедших до настоящего времени сочинений. Эта книга, без сомнения, должна дойти до рук, любящих науку управления. Однако никто не способен так быстро посредством поощряющих слабости правил, приведенных в ней, быть развращен, как молодой честолюбивый человек, дух и разум которого еще не изошрены в том, чтоб правильно различить добро и зло.

И разве не почитается уже за зло то, что развращает невинность частного лица, несведущего в делах сего света? Но уж гораздо вредоноснее будет развращение государей, которые управляют народами, производят суд, являют пример своим подданным и которые через свое благоволение, великодушие и милосердие должны быть живым подобием божества.

Наводнение, опустошающее земли, молнии, обращающие города в пепел и моровое поветрие, истребляющее народ целыми областями, не могут быть столь вредоносны, как опасное учение и необузданные страсти государей. Гроза небесная продолжаясь лишь малое время, опустошает только некоторые области. Убыток от них хотя бывает и чувствителен, однако его всё же можно возместить. Но что касается пороков государей, то вред от них своему народу гораздо длительнее.

Когда государи имеют возможность делать добро, если они этого пожелают, то равным образом имеют они также власть и силу, по определению своему, делать зло, и тогда сожаления достойно то состояние подданных, в котором они находятся по причине злоупотребления высочайшей властью: если бывают подвержены опасностям их собственность от ненасытности государя, их вольность от его своенравия, их спокойствие от его честолюбия, их безопасность от его недоверчивости и их жизнь от его бесчеловечия. Печальна участь того государства, в котором правитель захотел бы царствовать по предписаниям Макиавелли.

Фридрих II. Музей Герцога Антона Ульриха, Германия

Впрочем, я не ранее того завершу свое вступление, как упомяну о тех, кто думает, будто Макиавелли скорее описывал то, что действительно делают сами государи, чем советовал, что им надлежит делать. Эта мысль многим понравилась потому, что позволила смотреть на сочинение Макиавелли как на сатиру.

Все те, кто против государей произнес это изречение, без сомнения имели в виду злых князей, живших в одно время с Макиавелли, деяниями которых он руководствовался, или всех, кого обольстила жизнь некоторых тиранов, этого позорного пятна человечества. Я прошу этих судей, дыбы они приняли во внимание то, что соблазн престолом бывает слишком силен, чтобы против него устояла добродетель, присущая человеческой природе, и поэтому не стоит удивляться, если среди столь великого числа добрых государей можно найти несколько злых. Так, из числа римских императоров, исключив Нерона, Калигулу и Тиберия, каждый вспоминает с удовольствием Тита, Траяна и Антония, приобретших добродетелью священное имя.

Таким образом, считаться должно за великую несправедливость, если бы бремя, которое принадлежит только некоторым из них, возложено было на всех государей, и поэтому следовало бы в жизнеописаниях сохранять имена только замечательных властителей. И напротив, имена других вместе с их небрежением, несправедностью и пороками, предавать вечному забвению. Правда, от этого уменьшилось бы число исторических книг, однако возвысилось бы человечество, и честь быть включенным в историю, и сохранить имя свое для будущих времен, или лучше сказать, предать себя вечному воспоминанию, стало бы воздаянием за добродетель. Тогда Макиавеллиево сочинение не заражало бы уже больше политических кабинетов. Тогда бы каждый гнушался противоречий, в которые Макиавелли впадает беспрестанно, и свет согласился бы предпочесть истинную, основанную на правосудии, остроумии и милосердии, науку государственного управления несправедливому и гнусному учению, которое Макиавелли дерзнул предложить человечеству.

Глава I

О различных видах правления, и каким образом можно стать государем

Если кто-либо пожелает основательно рассуждать о некоторой вещи, то ему надлежит прежде всего исследовать ее свойство и, насколько это возможно, рассмотреть предшествующее ей; в этом случае ему нетрудно будет вывести отсюда и всевозможные следствия. Прежде, нежели Макиавелли сделал различие между державами по свойственному им образу правления, надлежало ему, по моему мнению, первоначально исследовать начало оно, и показать причины, побудившие вольный народ, принять себе государя.

А поэтому разве, не следовало бы ему, как мне кажется, в книге, в которой он принялся проповедовать о злодеяниях и бесчеловечности, сделать напоминание о том, чем истребляется варварство? Макиавелли не говорит в результате о том, что народы для своего спокойствия и безопасности признали необходимым иметь судей для прекращения ссор, защитников для сохранения от неприятеля пользования своим имуществом и жизнью, государей для соединения частного с общенародным благом, что они ради своего блаженства в самом еще начале избирать из своего числа самых мудрейших, справедливейших, не корыстолюбивых, дружелюбных и мужественных людей.

И каждый государь должен почитать такой суд важнейшим для себя предметом, и он должен стремиться вершить его ради благоденствия народа, которое государь обязан предпочитать всем прочим выгодам. Правитель не является неограниченным собственником народа, но выступает для своих подданных не кем иным, как верховным судьей. Но поскольку я предпринял последовательное опровержение вредного учения Макиавелли, то считаю нужным высказывать свое мнение в той мере, в которой его определяет содержание каждой главы.

Природа происхождения государей делает поступок тех, которые незаконным путем присваивают чужие земли, еще более жестоким. Они попирают ногами первый закон смертных, который состоит в том, что соединение в людей в державу происходит ради защиты от им подобных, и это тот самый закон, который осуждает бессовестных победителей. Они прямо вступают в противоречие с намерением, изъявленным народом. И напротив, если народ находится под властью государя, который поработил его насильно, то в таком случае он не только самого себя, но и всю свою собственность жертвует ему, чтобы тем самым удовлетворить ненасытность и своеобразие тирана.

Фридрих II. Брауншвейг, Германия

Впрочем, существует три законных средства с помощью которых можно стать государем: по наследству, по выбору того народа, который имеет право выбора, и, третье, если некто овла-

деет вражескими землями посредством справедливой войны. Всё это полагаю я за основание, на которое буду ссылаться в последующих своих рассуждениях.

Глава II

О наследственных государствах

Люди, как правило, ко всему тому, что в себе заключает древность, испытывают особенное почтение, и если говорить о власти, которую древность имеет над смертными, то ни одно иго не бывает сильнее, и ни одно из них не сносится столь охотно, как это. Я далеко от того, чтобы противоречить Макиавелли в том, в чем каждый соглашается с ним: да, наследственными государствами управлять удобнее всего.

Однако я к этому только хочу добавить, что наследные государи в своем владении укреплены бывают тесным союзом, утвержденным между ними и сильнейшими фамилиями государства, и государи уделяют княжеским дворам своей страны в благодарность большую часть своего имущества и величия. Счастье этих фамилий столь нераздельно со счастьем государя, что они никак не могут оставить последнего, не почувствовав при этом также, что следствием этого с необходимостью будет и их собственное падение.

В наши времена многочисленное и сильное войско, как во время мира, так и во время войны, в готовности содержимое государями, весьма способствует безопасности государства. Оно удерживает в пределах границ честолюбие соседних монархов.

Макиавелли говорит о том, что государю недостаточно быть украшенным простыми дарованиями, а я желал бы, чтобы, кроме этого, властитель помышлял и о том, как ему народ свой сделать счастливым. Народ, пребывающий в довольстве, никак не может помыслить о возмущении; блаженствующие больше страшатся лишиться такого государя, которой является их благодетелем. Поэтому никак не восстали бы голландцы против испанцев, если бы тирания последних не возросла настолько, что голландцы в случае восстания были по крайней мере не более несчастны, чем до того¹.

Королевства Неаполь и Сицилия неоднократно отходили от Испании под власть императора, а от императора снова к Испании². Во всякое время завоевание это было весьма легко осуществить потому, что обе власти казались весьма строгими, и потому народы этих государств при каждом завоевании питались надеждой найти в новом владыке своего защитника.

Какое различие между неаполитанцами и лотарингцами! Ибо когда последние с легкостью признали чужое господство, вся Лотарингия утопала в слезах. Они жалели о том, что лишались потомков тех герцогов, которые в течение многих столетий владели этим процветающим государством, тех, кого они причисляли к достойным любви государям. Память о герцоге Леопольде была для лотарингцев настолько любезна, что, когда после его смерти вдовствующая супруга принуждена была оставить город Люневиль, весь народ пал на колени пред ее колесницей и несколько раз пытался остановить ее лошадей, и было тогда много соболезнования и пролития слез по этому поводу³.

¹ Имеется в виду Нидерландская революция (1566–1609).

² Речь идет о событиях начала XVIII в., когда, после войны за испанское наследство Неаполь перешел под власть австрийского императора. Однако в 1735 г. в королевстве Обеих Сицилий (столицей которого был Неаполь) воцарилась испанская ветвь Бурбонов.

³ После войны за польское наследство (1733–1735) герцогство Лотарингское было передано Станиславу Лещинскому.

Глава III

О смешанных державах

Пятнадцатое столетие, в которое жил Макиавелли, являлось еще довольно бесчеловечным. Тогда печальная слава победителей и крайние предприятия, возбуждившие к себе известное почтение по той причине, что они совершались во множестве, были предпочтены кротости, справедливости, взаимной симпатии и всем добродетелям. Ныне же я вижу, что человечность предпочтительнее всех свойств победителя. Ныне не поступают уже более столь дерзновенно, чтобы возвышать похвалами бесчеловечные страсти, являющиеся причиной всего, что опустошает этот мир.

Я охотно бы желал знать, что побуждает человека возвышаться? И по какой причине он может намереваться основывать свою власть на злосчастии и гибели других людей? И как он мог думать завоевать славу в то время, когда он других делал несчастными? Новые приобретения государя не делают тех, кем он владел до этого, могущественнее; его подданные никакой от этого прибыли не имеют, и он заблуждается, воображая, что из-за этого он стал счастливее. Разве мало таких государей, которые с помощью своих полководцев овладели землями, которых они так никогда и не видели? Это и есть известный род воображаемых завоеваний, когда делают несчастными многих, чтобы тем удовлетворить своенравие одного только человека, чаще всего совсем не заслуживающего того.

Допустим, что этот победитель овладел всем миром; но сможет ли он завоеванным управлять? Ибо сколь бы государь ни был велик и славен, однако он остается весьма ограниченным существом. Едва ли он сможет вспомнить названия своих земель, — то, к чему, казалось бы побуждало его честолюбие, желавшее, чтобы о завоеваниях его было известно повсюду; однако даже для этого он оказывается мал.

Пространство земель, которыми обладает государь, не делает ему чести; несколько миль земли, прибавляемые им к своему владению, не делают его славным; ведь, напротив того, владеющие лишь десятой частью его земель бывают намного славнее.

Заблуждение Макиавелли при рассуждениях о славе победителя могло в свое время быть общепринятым в тогдашнем обществе, и, на самом деле, не являлось результатом его злобного характера. Впрочем, ничто не может быть так омерзительно, как некоторые средства, которые он предлагает для удержания завоеванных земель.

Если их исследовать подробно, то ни одно из них не является законным или справедливым. Необходимо, говорит он, истребить весь род, владевший этими землями перед их завоеванием. Можно ли читать эти положения без содрогания сердца? Ведь это означает попирать ногами всё, что есть святого в этом мире, и открывать дверь всяческим заблуждениям. Таким образом, если честолюбивый государь силой отторгнет земли от другого государя, то как можно предоставлять ему право тайно убить или отравить ядом побежденного? Победитель, если он поступает таким образом, вводит тем самым обычай, который будет способствовать его собственному падению. Другой, честолюбивее и способнее его, воздаст ему тем же и, напав на его земли, с таким же бесчеловечием, с которым тот казнил его предков, велит лишить его жизни. Макиавеллиево время предоставляет нам много примеров подобного рода. Не видим ли мы, что папа Александр VI находился в опасности низвержения с престола за его злодеяния, что гнусный его побочный сын Цезарь Борджиа, будучи лишен всех земель, скончался в ничтожестве, что Галеаццо Сфорца был умерщвлен в церкви, что Людовик Сфорца как узурпатор скончался во Франции в железной клетке, что Йоркские и Ланкастерские князья в конце кон-

цов истребили друг друга; что греческие императоры один другого тайно лишали жизни, пока в конце концов турки, воспользовавшись их злодеяниями и слабостью, вовсе их не уничтожили⁴.

Если в наши времена между христианами такие возмущения случаются редко, то это происходит по большей части потому, что теперь положения здравого нрава известны каждому. Все современные люди просветили свой разум, и мы должны за это благодарить ученых людей, которые очистили Европу от этого зверства.

В другом месте Макиавелли утверждает следующее: необходимо, чтобы победитель во вновь завоеванных землях основал себе резиденцию. Хотя это и не имеет отношения к жестокости, а в иных случаях может оказаться и полезным, всё же следует принять во внимание: многие земли великих государей расположены так, что государи не могут оставить свое местопребывание без того, чтобы остальные земли не оказались при этом под угрозой. Государи являются первоначалом движения в государственном теле, и им нельзя оставлять центра своих владений, дабы не пришли в упадок уже находящиеся под его властью территории.

Адольф фон Менцель. Фридрих Великий играет на флейте в Сан-Суси

Третье политическое правило состоит в том, что необходимо во вновь завоеванных землях учредить колонии, чтобы тем самым быть уверенным в их преданности. Автор «Государя» в данном случае основывается на обычае римлян, но он упускает из виду то, что если бы римляне вместе с колониями не отправили в новые земли и легионов, то бы они очень скоро лишились бы своих приобретений. Он не рассуждает о том, что помимо колоний и легионов римлянам необходимо было иметь также и союзников. Между тем римские колонии и легионы были

⁴ Александр VI Борджиа и Цезарь Борджиа – см. выше в материалах к «Князю» Макиавелли. Сфорца – династия миланских герцогов в 1450–1535 гг. Галеаццо Мария был убит миланскими республиканцами в 1476 г., а Людовик (Лодовико) умер во Франции в заключении в начале XVI в. Лакнастеры – младшая ветвь династии Плантагенетов, узурпировавшая власть в Англии в 1399 г. В свою очередь в XV столетии были выеуждены вести длительную гражданскую войну с Йорками, так же претендовавшими на английскую корону (так называемая война «Алой и Белой Розы»). Греческие императоры – имеются в виду византийские императоры.

в счастливые времена республики разумнейшими разбойниками, опустошающими в иные времена и всю вселенную. Они с помощью хитрости сохраняли то, что приобрели несправедливо. Наконец, этот народ имел ту же злую судьбу, что и остальные незаконные победители.

Но рассудим ныне, могут ли колонии, о которых столь несправедливо судит Макиавелли, быть такими полезными, как он нас в этом уверяет? Положим, что государи отрядят поселенцев туда, либо во многом, либо в малом числе. Таким образом, если число их будет велико, они изгонят большое число новых подданных, опустошат их земли, если же будут они в малом числе, то не смогут сохранить в своем владении приобретенные земли, и государи, не имея от этого никакой прибыли, сделают поселенцев несчастными.

Поэтому было бы гораздо справедливее в завоеванные земли отправлять солдат, которые, будучи сплочены воинской дисциплиною и порядком, не станут притеснять ни своих сограждан, ни подданных вновь завоеванных городов.

Это политическое правило было бы гораздо лучше первого, однако оно во времена Макиавелли не могло быть известно, ведь в те времена государи еще не имели достаточного войска, находящегося в постоянной готовности. Зато во всех странах находились разбойники, которые, собираясь вместе, питались грабежом и насилием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.